

Г Л А В А 3 . ВОПРОС О СЛАВЯНСКОМ АЛФАВИТЕ

Любой историк, если он хочет прослыть настоящими ученым, всегда стремится обосновать и оснастить свои исследования достаточным материалом источников и фактов. У истории возникновения славянского перевода Св. Писания такой материал весьма ограничен, что вызывает известные трудности у историка-исследователя. Примером тому может служить только одна из областей знаний, связанных с возникновением славянской версии Библии — исследование происхождения письменных знаков, которыми была написана Славянская Библия. «Главные характерные черты славянской письменности, — пишет современный исследователь, — заключаются в том, что это была письменность, предназначенная для фиксации текстов на славянском языке с помощью специально созданного для передачи звуков славянского языка алфавита»*. За сухостью данной формулировки скрывается, однако, целый мир проблем и калейдоскоп научных исследований. Как известно, славяне всегда пользова-

(*) *Флоря Б. Н.* Славянская письменность и европейская культура раннего средневековья // *Славянская культура и мировой культурный процесс*. М., 1985. С. 63.

лись двумя системами графических знаков: глаголицей и кириллицей. Уже сам этот факт одновременного существования двух различных азбучных систем в одном и том же языке, в одну и ту же эпоху и на одной и той же территории, поставил перед учеными целый ряд (даже комплекс!) культурно-исторических, филологических и чисто лингвистических вопросов. Основные из них таковы:

- 1) имели ли славяне какую-нибудь письменность прежде появления систематизированного алфавита и какая она была;
- 2) почему возникли две славянских азбуки (кириллица и глаголица);
- 3) какой из двух славянских алфавитов старше;
- 4) когда, где и зачем они созданы;
- 5) кто автор одной и кто автор другой;
- 6) каково было их распространение между славянами в IX в.;
- 7) почему в Болгарии глаголица была заменена на кириллицу;
- 8) каков источник глаголических и некоторых кириллических знаков (тех, которые не были заимствованы из византийского унциала);
- 9) каковы отношения между двумя алфавитами и насколько можно считать кириллицу изоморфной (*равной по форме*) трансформацией глаголицы;
- 10) каково отношение каждого из славянских алфавитов к живой народной речи;
- 11) имеют ли глаголические и кириллические буквы, содержащие в себе соответственные буквенные компоненты, какую-нибудь внутрисистемную мотивировку, и в чем она заключается*.

Как видно, этот комплекс вопросов связан со славянской филологией вообще и с миссионерской деятельностью свв. Кон-

(*) Илчев П. Азбуки // КМЕ. София, 1985. Т. 1. С. 45; Добрев Ив. Кириллица // КМЕ. София, 1995. Т. 2. С. 309.

стантина-Кирилла (Философа) и его брата Мефодия, в частности. Филологические и исторические исследования и обсуждение данных проблем проходили в течение 2-х веков (XIX и XX) и имеют свою богатую историю. В этой главе, как обзорном очерке формирования научных взглядов на приоритетах двух славянских алфавитов, она будет кратко изложена. Данное «бreve» было составлено на основе энциклопедической статьи болгарского ученого П. Илчева (впервые она была опубликована в 1985 г. в КМЕ*) с некоторыми важными дополнениями и уточнениями с нашей стороны.

Прежде чем оформиться научному интересу к двум славянским алфавитам, происхождение глаголицы некоторые ученые связывали с именем известного христианского писателя бл. Иеронима Стридонского (342–429) (попытка воскресить это мнение была сделана в XX в. хорватскими глаголяшами). Но еще в середине XVIII в. против этого мнения выступил Й. Асемани (1755**), категорически утверждавший, что автором глаголицы является св. Константин-Кирилл. Й. Добровский (1782 и др.) не был знаком со старинными глаголическими рукописями, а потому считал глаголицу поздней переработкой кириллицы. Она, по его мнению, возникла в среде хорват для сохранения славянского богослужения от преследований римской курии. Добровский не изменил своей точки зрения и после того как Г. Добнер (1785) выдвинул ряд аргументов в пользу первенства глаголицы; кириллица же, по мнению Добнера, есть копия византийского

(*) Илчев П. Азбуки // КМЕ. София, 1985. Т. 1.

(**) В скобках стоит год выхода в свет научного исследования.

унциала* с добавлением в нее некоторых видоизмененных глаголических букв. Некоторые современники Добровского и Добнера искали в глаголических знаках влияние других алфавитов: или латинского (Ф. К. Алтер), или рунического (Ф. Дурих). Теория о приоритете глаголицы начинает закрепляться в науке после издания Б. Копитаром Ключева сборника (1836) и открытия глаголических Пражских листков (1855). Копитар утверждал, что глаголица древнее кириллицы (это мнение поддержал и его рецензент — Я. Грим), или, в противном случае, оба письма

(*) О роли греческого унциала в истории возникновения славянской азбуки можно сказать следующее. В ученом мире утвердилось мнение, что кириллица есть не что иное, как дополненное несколькими новыми буквами греческое уставное письмо — унциал. (См.: *Соболевский А.* Кириллица и глаголица // БЭ. Т. X. СПб., 1909. С. 213). В другой своей статье А. И. Соболевский пытается дать более точный ответ, который, однако, также не выходит из круга вопросов: «Вопрос об отношении славянского кирилловского письма к южнославянским и русским рукописям XI–XIV вв., которое у нас принято называть уставом, к греческому унциальному письму (которое также можно называть уставом) — вопрос почти нетронутый. Не подлежит сомнению, что славянский кирилловский устав восходит к греческому уставу, но происхождение некоторых его букв все еще требует объяснения. <...> (Также) необходимо установить, как рано славянский устав стал жить самостоятельной жизнью, видоизменяясь в общем и в частности, независимо от греческого письма. Для ответа на вышеозначенный вопрос требуется знакомство с греческим унциальным письмом того времени, когда оно существовало рядом со славянским уставом и могло уже влиять на последний и прежде всего, приведение в известность тех греч. рукописей, которые в данном случае могут быть полезны» (*Соболевский А. И.* Предисловие // *Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX–XI вв.* / Сост. А. И. Соболевский и проф. Г. Ф. Церетели. СПб., 1913. С. I). Ответить на эти вопросы попыталась

появились одновременно. Более определенно о старшинстве глаголицы и об авторстве Константина-Кирилла высказались В. И. Григорович (1848) и П. Й. Шафарик*. В работах последнего особенно серьезно и скрупулезно были собираемы и подбираемы необходимые для этого аргументы (будем помнить при этом, что он до этого был крайним приверженцем старшинства кириллицы, но после тщательного исследования Пражских глаголических листков круто поменял свои взгляды). Поступенность аргументации Шафарика выглядит в его трудах следующим образом:

- а) до Кирилла и Мефодия (по свидетельству ЖК и Черноризца Храбра) у славян не было развитой письменности;
- б) существуют свидетельства о двух изобретателях двух алфавитов — свв. Кирилле и Клименте;
- в) азбука, изобретенная Константином-Кириллом, была совершенно новой, чего нельзя сказать о кириллице — копии греческого письма**.

✠ Е. Э. Гранстрем. В своей работе «О связи Кирилловского устава с византийским унциалом» (ВВ. III [1950]. С. 229) она, на основании палеографических данных, убедительно доказывала, что «кириллица, как она засвидетельствована памятниками XI в., есть результат самостоятельного развития греческого письма на славянской почве». Это утверждение является лишним доказательством и того, что автором кириллицы был вовсе не св. Константин Философ (*Иванова Т. А.* Вопросы возникновения славянской письменности в трудах советских и болгарских ученых за последнее десятилетие [1950–1960] // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. XXII. Вып. 2 [1963], март-апрель. С. 132).

(*) *Илчев П.* Азбуки. С. 45–46.

(**) *Брандт Р. Ф.* Павел Иосиф Шафарик как исследователь славянских языков и письмен // Древности. Труды Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. Т. 2. (1898). С. 7.

Исходя как раз из этих положений, Шафарик и пришел к выводу, что изобретателем оригинальной и своеобразной глаголицы был св. Константин Философ, а творцом графически простой кириллицы — св. Климент. Как доказательство Шафариком были приведены следующие аргументы:

1) во время гонения на новое славянское письмо со стороны римского духовенства, св. Константин-Кирилл не защищал эти «варварские» письмена, ссылаясь на их греческое происхождение; если же дело в данном случае шло о кириллице, то это было бы вполне естественным и сразу обезоружило его противников;

2) в отличие от глаголицы Климентова азбука имела простоту, доступность и ясность;

3) изобретатель глаголицы был знаком с восточными алфавитами — финикийским, еврейским, самарянским; на это указывает и его членство в хазарской миссии;

4) глаголица — это копия с греческого курсива IX–X вв.;

5) в глаголице буквы получили новые славянские названия;

6) существование у некоторых христианских народов Востока (коптов, эфиопов, сирийцев, готов, армян, грузин) своеобразных азбук могло побудить Константина Философа к изобретению самобытного письма и для славян (что может пролить свет и на графическое преобразование св. Климента, произведенное для болгар Македонии, привыкших к греческому алфавиту);

7) распространению кириллицы могло содействовать церковное единение с Византией (в противном случае возникла бы опасность болгарам прослыть еретиками);

8) то обстоятельство, что древнейшие памятники глаголицы связаны с Болгарией, еще не доказывает их болгар-

ское происхождение, но может быть объяснено лишь распространением этого письма учениками свв. славянских апостолов, бежавшими из Моравии в Болгарию;

9) постепенное устранение глаголицы из обихода православных славян могло произойти вследствие завоевания Болгарии Византийской империей (а также и из-за крещения Руси Византией;

10) по пути в Рим свв. Кирилл и Мефодий могли занести новое славянское письмо в Хорватию и на далматинское побережье, что подтверждается древнейшими глаголическими памятниками этого региона;

11) свидетельство попа Униря Лихого, который занимался перепиской книг «*нѣс кѣрило(ви)цѣ*», можно объяснить так: я списал текст с «кириллицы» (читай — с глаголицы) на новую, реформированную св. Климентом, славянскую азбуку (читай — кириллицу; доказательство этому Шафарик нашел в одном списке этой рукописи — Лаврской (XIV–XV вв.), в которой встречаются не только глаголические буквы, но и целые слова, глаголическим шрифтом написанные; в этом же тексте присутствовало и специфически-глаголическое причастие «*вышѣшти*»; к тому же, считал Шафарик, переписчику было бы странно говорить о письме подлинника как о «кириллическом», ибо данное наименование вошло в обиход намного позднее;

12) самый древний славянский письменный памятник — надпись на Иверской грамоте, — глаголический* (Пражские листки также можно отнести к этой эпохе — ко времени св. Вячеслава, а кириллические памятники все не позднее XI в.);

(*) Этот судебный акт 982 г. из Иверского монастыря в 1846 г. был найден на Афоне еп. Порфирием (Успенским).

13) существуют палимпсесты, написанные кириллицей по стертой глаголице, но не наоборот;

14) есть письменные памятники, переписанные в древнее время кириллицей с глаголицы: об этом свидетельствуют встречающиеся в них отдельные глаголические буквы, слова и целые предложения, а также числовое использование букв на основе глаголицы с ее характерными особенностями;

15) буквы, общие для кириллицы и глаголицы, в последней имеют более сложное, а значит, и более архаичное, начертание (с другой стороны, большую развитость кириллицы можно естественно объяснить позднейшим ее развитием);

16) в кириллических рукописях грамматика и слог совершеннее: в них меньше ошибок и темных мест, а также и греческие слова, как правило, оставлены без перевода;

17) глаголическим памятникам и кириллическим спискам с глаголицы свойственны архаизмы*.

Итак, как мы уже сказали, после того как были изучены Пражские глаголические листки, П. Й. Шафарик внес поправки в свои прежние взгляды на славянские алфавиты и с помощью исторических, палеографических и лингвистических аргументов с 1858 г. стал доказывать, что первой славянской азбукой является глаголица, а творец ее — св. Константин-Кирилл**.

Р. Ф. Брандт в вопросе о приоритете одной из славянских азбук принял доводы и аргументы Шафарика, но, правда, с собственной оговоркой: «Вопрос о первенстве кириллицы и глаголицы <...> должен <...> решаться таким образом: глаго-

(*) Брандт Р. Ф. Указ. соч. С. 7–9.

(**) Šafarik P. Über den Ursprung und die Heimat des Glagolitismus. Prag. 1858. См.: Михайлов А. В. Опыт... С. ССХХII.

лица древнее кириллицы, поскольку ее можно отождествлять с изображением славянских звуков «гръчьскыи писмены без оустроеница», но в том виде, в каком ее представляют наши памятники, она новее и развилась под влиянием выработанного Кириллом и носящего его имя уставного письма»*.

Взгляды П. Й. Шафарика были почти целиком усвоены Фр. Миклошичем (1858), Фр. Рачки (1861), а после них — целой плеядой славистов. Его последователи стали углублять гипотезу Шафарика выясняя, какой алфавит стал основой для некоторых глаголических букв. Миклошич, например, считал, что многие глаголические знаки могут восходить только к греческому алфавиту, в то время как некоторые кириллические — к соответствующим им глаголическим. Такое предположение было одобрено Ю. И. Венелиным. В свою очередь Фр. Рачки, считавший основой глаголицы византийский курсив, обращал внимание и на финикийскую письменность. В 1883 г. Л. Гайтлер опубликовал свои мысли о происхождении некоторых глаголических букв от албанской азбуки. Он исходил из недоказуемых предположений, что албанское письмо существовало до IX в. Однако самые ранние албанские тексты известны только после X в. В том же — 1883 г. архимандрит Амфилохий пытался объяснить происхождение некоторых глаголических знаков от древнееврейского письма, а В. Ф. Миллер (1884) увидел зависимость отдельных глаголических знаков от иранских графем. Последний опирался при этом на графику авестийских букв и знаков на сасанидских монетах. Английский палеограф И. Тейлор (1881, 1883) попытался всецело вывести глаголицу из греческого минускула. Оригинальное начертание отдельных глаголических букв им было связано с соответствующими этим знакам комбинациями письменных обозначений греческого алфавита

(*) Брандт Р. Ф. Указ. соч. С. 13. Прим. 46.

(например, знак $\mathcal{X}$ произошел от комбинации букв σ и τ , θ — от θ и σ , ϑ — от σ , σ и τ , ϑ — от σ и ϵ и т. д.). Теория Тейлора была развита и частично откорректирована В. Ягичем (1883 и др.). Позже к ней присоединились И. Беляев (1886) и А. Лескин (1905), которые попытались по-своему объяснить происхождение различных знаков. Данную теорию приняли палеограф В. Гардхаузен (1911) и славист С. М. Кульбакин (1927). Однако у этой теории были и противники. В 1913 г. специалист по греческой палеографии А. Ралфс подверг острой критике тезис об искусственности лигатурных комбинаций. Он считал, что основой глаголицы является византийский минускул и некоторые графические особенности восточных алфавитов, используемые изобретателем славянского письма при оформлении глаголических букв. Это касается, в частности, специфических славянских звуков — ч, ж, ш и др. В. Вондрек (1896) пытался связать происхождение глаголицы с самарянским типом древнееврейского письма, а Н. К. Грунский (1904 и далее) — с древнееврейской, коптской и армянской графиками. Кавказское (армянское или грузинское) происхождение глаголицы предполагал М. Гастер (1887) и Р. Абахт (1895). Подобные мнения являлись и после — в двадцатом веке (М. И. Привалова, В. Полак). Русский славист Ф. Ф. Фортунатов (1913) обратил внимание на сходство некоторых знаков коптского алфавита с соответствующими им по звучанию глаголическими буквами. Независимо от него к этому же выводу пришел и В. И. Ламанский. Г. В. Веселый (1913) искал источники глаголицы в латинском курсиве IV–VI в. Мысль о том, что Константин Философ мог использовать некоторые восточные письменности, была развита до совершенства в работах Р. Нахтигала (1923), Й. Вайса (1932) и др. славистов. Г. Чернохвостов (1947) и его адепт В. Кипарский (1958) видели в оригинальности глаголических букв комбинирование трех основных христианских символов: креста («+» — «христи-

анство», «мученичество»), круга («О» — «вечность», «полнота») и треугольника («Δ» — «Св. Троица»)*. Такие же ученые-слависты, как А. Ваян, Й. Курц, Т. Лер-Сплавинский, К. Мирчев, Й. Хам и др., все согласно считали глаголицу изобретением Константина Философа и первым настоящим алфавитом у славян. Но революционером в области исследования принципа механизма создания новой славянской графики был Н. С. Трубецкой, который считал появление глаголицы результатом взаимодействия (в сознании св. Константина) «фонологического мышления», соответствующего древнеславянской фонологической системе, и «графического мышления», соответствующего греческой письменной системе (1954, посмертное издание). Своим трудом Н. С. Трубецкой значительно снизил и поколебал представления о прямой зависимости глаголицы от византийского письма.

Были, впрочем, и другие точки зрения на приоритет славянских азбук. Отдельные ученые, хотя и не всегда достаточно определено, считали и считают, что первой славянской азбукой является кириллица, а ее творцом, соответственно, был Константин-Кирилл. Гипотезу эту разделяли П. И. Прейс (1843), О. М. Бодянский (1856), И. И. Срезневский (1884 и др.), А. И. Соболевский (1891 и др.), Е. Ф. Карский (1928), В. А. Истрин (1960). Одни из них говорили о том, что глаголица есть не что иное, как защитная графика, направленная против действий католического немецкого духовенства, имевшая значение только в западославянских областях. Другие видели глаголицу тайной азбукой богомилов. Третьи ее автором считали или св. Кирилла, или св. Мефодия, или кого-то из их учеников (например, св. Горазда). Н. Н. Дурново (1929), напри-

(*) Кузнецов А. М. Глаголица: между греческим и латинским // ВЯ. 2000. № 1. С. 112.

мер, утверждал, что глаголица и кириллица есть две функциональные разновидности одного и того же алфавита: глаголица соответствует византийской скорописи, а кириллица — унциалу. При этом он считал, что обе славянские графики созданы одновременно и одним и тем же лицом.

Еще в самом начале возникновения славистики как науки, в конце XVIII в., появляется гипотеза о том, что древние славянские племена имели вполне развитую письменность (т. е. еще задолго до ее изобретения св. Константином Философом). Исследователь Каринтии А. Линхард и лужичанин К. Г. Антон высказывали предположения (1789, 1796), что глаголица существовала еще в V–VI вв. среди западных славян, а св. Константин позднее переделал ее в кириллицу. Догадка эта не имела под собой достаточных оснований и вскоре была забыта. Весьма широкое распространение получила другая гипотеза. В 1847 г. В. Н. Григорович высказал предположение, что найденные Константином в Херсонесе книги (Евангелие и Псалтирь) были написаны глаголицей. Эта гипотеза была подхвачена некоторыми советскими исследователями, которые были на самом деле не очень толковыми специалистами в области славистики. Исходя из нее они пришли к выводу, что восточные славяне имели алфавит еще в предхристианский период. По их мнению, это была так называемая «протоглаголица» (Н. К. Никольский, 1928; П. Я. Черных, 1947 и др.; Е. М. Эпштейн, 1947). По мнению одних ученых этой группы, восточнославянская протоглаголица возникла на основе «черт и резов», о которых упоминал Черноризец Храбр, но, однако, не без влияния других, более развитых алфавитов (например, греческого и хазарского). По мнению других — первоисточником протоглаголицы были нерасшифрованные знаки, найденные в древнерусских колониях в Северном Причерноморье (И. И. Мещанинов, 1933, и др.) или, возможно, другие, также не расшифрованные знаки, разбросанные по

различным местам на занимаемой восточнославянскими племенами территории (И. В. Фигуровский, 1957, и др.). Некоторые связывали протоглаголицу с кипрским слоговым письмом II тысячелетия до Р. Х. (Н. А. Константинов, 1951, 1957), и даже с клинописью (А. С. Львов, 1951). Иные находили ее на древнерусских монетах (Н. В. Енговатов, 1960). Самые трезвые из этой группы ученых утверждали только то, что наличие письменности у восточных славян в середине II тысячелетия до Р. Х. было несомненно (А. А. Формозов, 1953).

Таким образом, во второй половине XX в. стало ясным одно — книги, найденные св. Константином в Херсонесе Таврическом нельзя (без надежного подкрепления историческими фактами) с уверенностью назвать глаголическими и вслед за этим утверждать, что славяне имели до IX в. развитое буквенное письмо.

В 1884 г. русский ориенталист В. Миллер отметил одно важное различие между двумя древнеславянскими алфавитами. По его мнению, глаголица несет на себе отпечаток личного творчества, в то время как кириллица возникла исторически, говоря иначе, путем прямого заимствования букв из другого алфавита. Из этого он сделал вывод, что кириллица существовала прежде глаголицы, так как сначала должно было использоваться то письмо (в частности, греческое), которое было под рукой и в ходу в Византийской империи. Им-то, дескать, и записывали поначалу славянскую речь. Это письмо было знакомо и Константину-Кириллу, который позже и использовал его при создании своего алфавита. Мысль о «протокириллице» была сразу подхвачена и развита в конце XIX и в первой половине XX вв. П. В. Голубовским (1895) и Е. Георгиевым (1942, 1952 и др.).

В 1961 г. В. А. Истрин высказал мнение, что если протоглаголица может считаться восточнославянским письмом, то

протокириллицу нужно искать как между восточными, так и между южными славянами. Однако и эта точка зрения оказалась в зоне критики. В Болгарии возникла близкая этой гипотезе теория, в основе которой лежит утверждение, что глаголица была предназначена не для славян, а для хазар и что негреческие знаки в кириллице имеют праболгарское (гуннское) происхождение (ими, возможно, пользовались в некоем культурном центре, который якобы существовал в Азии более 10–12 тыс. лет тому назад)*.

†††

Как видно из приведенного очерка, в истории славистики возникали весьма многочисленные и разнообразные гипотезы — порой даже совсем уж фантастические. И до сих пор еще не затихают споры вокруг приоритета одной или другой славянской азбуки и едва ли, по мнению некоторых ученых, когда-нибудь будет найдено окончательное решение этого вопроса**. Однако проблема авторства глаголицы может считаться почти ре-

(*) *Илчев П.* Азбуки. С. 46–48.

(**) По замечанию комментатора книги Г. Подскальского «Христианство и богословская литература в Киевской Руси [988–1237]» (СПб., 1996) К. К. Аментьева, на данный момент возобновлен поиск «следов более древнего (вплоть до VIII в.) происхождения глаголицы как одного из “миссионерских алфавитов” Христианского Востока». Им обращено внимание на следующие интересные работы: *Прохоров Г. М.* Глаголица среди миссионерских азбук // ТОДРЛ. Т. XLV (1992). С. 178–199; *Лурье В. М.* Около Солунской легенды: из истории миссионерства в период монофелитской унии // Славяне и их соседи. Вып. 6. М., 1996. С. 23–52. (См.: *Аментьев К. К.* Комментарий издателей // *Подскальский Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996. С. 512).

шенной. На сегодняшний день практически все серьезные исследователи признают, что глаголица есть продукт творчества великого славянского первоучителя св. Кирилла Философа*. На это указывают элементы юго-западного славянского диалекта, в большом количестве обнаруженные в древнейших глаголических текстах, что, в свою очередь, говорит о высокой степени владения этим языком св. Константином-Кириллом. К этому можно добавить и то, что в областях, где он или его ближайшие сотрудники трудились на ниве Христовой, глаголица имеет очень глубокие корни и долгую традицию. Глаголический алфавит сам по себе также может свидетельствовать о своей оригинальности, ибо он не имеет ясных аналогов ни в каких других письменных системах. Как точно отметил Илчев, «в начертаниях глаголических знаков отразились не прямые влияния какой-либо графики, а последние достижения буквенного письма, в котором историческое развитие глаголицы намечает новый, наивысший этап»**. Неслучайно поэтому глаголическая графика не раз возбуждала восхищение своим совершенством и всегда высоко оценивалась авторитетнейшими специалистами по лингвистике, которые при этом всегда отмечали ее своеобразие, отражавшее

(*) Свежим аргументом в пользу глаголицы можно считать появление на аукционе «Кристис» редкой вещи — глаголической Псалтири, написанной архаическим вариантом глаголицы. Как полагают ученые, этот «круглый», очень древний вид глаголического письма, использовавшийся или в Болгарии, или в Македонии, ближе всего стоит к первому славянскому алфавиту, созданному св. Константином-Кириллом в середине IX века. Интересно в этом обнаруженном раритете также и то, что в начале каждого псалма на полях имелись кириллические приписки, что говорит об их позднем происхождении (*Франклин С. Глаголическая Псалтирь: неоконченное повествование // Итоги. 13 октября 1998. С. 56–57*).

(**) *Илчев П. Азбуки. С. 48.*

индивидуальное творчество одного человека. Согласно с интуициями лингвистов и свидетельства исторических источников, особенно таких, как ЖК, ЖМ и «Сказания о письменах» Черноризца Храбра. Все они отнюдь не говорят о заимствовании новой азбуки, но только о ее создании:

«...и вскоре открыл ему [св. Константину. — Р. Ц.] их Бог... и тогда сложил письмена» (ЖК, 14 гл.)*; «явил Бог Философу славянское письмо. И тот, быстро создав письмена и составив (из них) беседу (евангельскую), отправился в Моравию» (ЖМ, 5 гл.)**; «и создал (он) для них тридцать письмен и восемь...» (О письменах, 3 гл.)***.

В качестве пополнения исторического обзора П. Илчева добавим к нему и некоторые более обстоятельные заметки из истории изучения взаимоотношения двух славянских азбук.

А. Славянская палеография в течение всей своей истории не раз была осторожна в высказывании тех или иных мнений по вопросу старшинства двух славянских азбук. Связано это было в первую очередь с наличными палеографическим и историческим материалами и их тщательным изучением. Так, например, П. Й. Шафарик одно время придерживался мнения, что кириллица являлась первым и оригинальным языком, изобретенным св. Константином Философом. Однако после тщательного изучения глаголических Пражских текстов он резко изменил свое мнение. Поводом для возникновения новой гипотезы послужила, в большой степени, приписка попа Упия Лихого, сделанная в 1047 г. и воспроизведенная в Геннадиевской Библии (1499 г.): «слава

(*) Сказание о начале славянской письменности. М., 1981.

С. 87.

(**) Там же. С. 97.

(***) Там же. С. 102, 178; Добрев Ив. Кирилица. С. 309.

тѣѣѣ ѣи ѣрю неѣный. ѣко спѣдови мѣ написѣти книѣи сѣи ѣс кѣрило(ви)цѣ». П. И. Шафарик решил, что поскольку в данной русской копии толкований пророчеств, в которых находилась эта приписка, встречаются отдельные глаголические слова, то древнерусский или староболгарский оригинал, о котором поп Упирь Лихий сказал: «ѣс кѣрило(ви)цѣ», был определенно глаголическим. А значит, название «кириллица» относилось вначале вовсе не к кириллице, а к глаголице и что только впоследствии, когда глаголица заменена была в Болгарии кириллическим письмом, название в честь св. Кирилла Философа было перенесено на эту другую, ставшую официальной, славянскую азбуку*. Несмотря на то, что против этой гипотезы выступал архимандрит Леонид (Кавелин), она все же получила среди славистов широкое распространение**.

В. Группа русских славистов (И. И. Срезневский, В. И. Григорович, О. М. Бодянский, А. И. Соболевский, Ф. Ф. Фортунатов, Е. Ф. Карский, Н. Н. Дурново, В. А. Истрин) придерживалась особого взгляда на происхождение славянских алфавитов. Эти ученые считали, что св. Константин Философ является автором как кириллицы, так и глаголицы (или только кириллицы). Одни из них утверждали, что св. Константин-Кирилл по политическим причинам для моравской миссии изобрел глаголический алфавит (Рим в таком случае не мог упрекнуть славянских апостолов в прозелитизме, ибо они вводили не эллинизированный [чи-

(*) Добрев Ив. Кириллица. С. 308; Брандт Р. Ф. Указ. соч. С. 8.

(**) Впрочем, в научной литературе до сих пор нет единства по вопросу о том, действительно ли Упирь Лихий в 1047 году списывал свою книгу с глаголического протографа (см.: Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаментных кодексах. М., 1998. С. 58).

тай — греческий, византийский] алфавит, но абсолютно новый, не имеющий аналогов в лингвистике). Другие, в частности Дурново Н. Н., считали, что две славянские азбуки — кириллица и глаголица, — находятся в равной степени под влиянием византийской письменности IX в., которая была представлена в эту эпоху в виде *унциала* (уставного письма, которым, например, писались официальные тексты, богослужебные книги и т. д.) и *минускула* (скорописи, употреблявшейся в текстах попроще). По их мнению эта двойственность перешла и на славянское письмо: кириллица стала соответствовать унциалу-маюскулу, а глаголица — минускулу. Третьи (Трубецкой Н. С.), корректируя предыдущую гипотезу, констатировали ту истину, что глаголица как родная сестра минускула, став официальным письмом в Болгарии, превратилась по виду в современную кириллицу — т. е. стала унциальным текстом славянской письменности. По мнению болгарского исследователя Ив. Добрева «в палеографических предположениях Дурново и Трубецкого имеются очень преувеличенные моменты, которые не соответствуют характеру кириллического и глаголического письмен. Как с точки зрения визуальной, так и с позиции кинематической, глаголица и кириллица являются унциальным шрифтом, потому что их графическая линия не имеет той непрерывности, которая есть у минускула, но она прерывается у междубуквий, по которым сразу можно установить число отдельных знаков в ряду. Глаголический шрифт, так же как и кириллический, двулинеен, что резко отличает его от четырехлинейного византийского письма. Единственной чертой, которая сближает глаголицу с греческим минускулом, были овальные буквы. Но в кириллическом письме из-за введенных в него негреческих знаков ъ, ѣ, ђ, в и ю ряд букв с овальным элементом был уве-

личен»*. К этим палеографическим замечаниям добавляются еще и исторические: каких-либо знаменательных сведений о существовании кириллического письма во времена Кирилла и Мефодия, его употребление в Великой Моравии и Паннонии в 60–80 гг. IX в., прежде или одновременно с глаголицей, в исторических источниках мы не находим. Были предположения, однако, что Черноризец Храбр в своем сказании «О письменах» якобы говорит о св. Константине Философе как об авторе кириллицы. Но при внимательном прочтении Храброва текста в Московском списке XV в., который является, возможно, самым близким к древнеболгарскому оригиналу, приходится констатировать обратное. Если Черноризец Храбр некую славянскую азбуку защищал от эллинофилов и «триязычников», значит, она наверняка была особой — т. е. несомненно глаголической**. «Среди 24 букв, — пишет Добрев, — которые Константин Философ создал по подобию греческого алфавита, не хватает ξ и ψ , которых нет и в глаголице, зато имеются буквы с именами $\pi\theta$ и $\chi\lambda$. Последняя буква наверняка связана с глаголической паукообразной χ , с которой будет начинаться и отдельный стих в глаголическом оригинале Азбучной молитвы»***.

С. Русский ученый В. Ф. Миллер, а за ним болгарский исследователь Е. Георгиев, предложили гипотезу о так называемом постепенном историческом появлении кириллицы. По их мнению, на основе греческой графики и по об-

(*) Добрев *Ив.* Кирилица. С. 313.

(**) *Флоря Б. Н.* Комментарии к Сказанию Черноризца Храбра «О письменах» // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 178.

(***) Добрев *Ив.* Кирилица. С. 313.

разцу глаголической были созданы комбинации некоторых греческих букв и диакритических знаков; некоторые же буквы были просто заимствованы из древнееврейского алфавита (возможно, что и из самарянского письма)*. Например, от *ι* появилась *ь*, а с прибавлением диакритического знака к *ь* появилась буква *ѣ*. От буквы *ь* также произошел знак *ѣ*. Как отмечает Добрев, эти комбинации не лишены известного палеографического основания: в одном словенском памятнике — Фрайзингенских молитвах — славянская буква *ь* часто передается как *ι*. Например: *dine* (= дьнѣ), *minsih* (= мьньшнѣхъ) и проч. Также и в Реймском Евангелии глаголический знак *ь* передается как *ι* (= греч. *ι*, лат. *i*). Буквы *ц* и *ш* являются явными заимствованиями из древнееврейского (*ץ* и *ש*). Однако Георгиев усугубляет эти обоснованные положения, представляя их доказательством того, что кириллица старше глаголицы, что само по себе об этом и не говорит. Немецкий историк П. Шнайдер (1985) представил новые свидетельства исторического происхождения кириллицы в Болгарском государстве. Им была установлена связь кириллицы с греческим минускульным шрифтом (имеющим наклон овала) конца VIII — начала IX вв., который был в это время широко распространен в Болгарии**. В общем, гипотеза Миллера—Георгиева в корне противоречит историко-филологическим данным, ибо точно известно, что до эпохи свв. Кирилла и Мефодия сведений, имеющих принципиально важное значение по данному вопросу — создании славянской азбуки на основе греческого шрифта — нет***. Приведем в качестве серьезных

(*) Там же. С. 309.

(**) Там же. С. 309–310.

(***) Там же. С. 311.

доказательств этому принципиальные историко-филологические аргументы Ив. Добрева: «Согласно единственному вполне достоверному источнику — сочинению “О писменѣхъ” Черноризца Храбра, в продолжение многих лет после крещения славяне пытались записывать свою речь греческими буквами “бѣзъ оустроѣния”. Но греческими буквами, объясняет Черноризец Храбр, нельзя было хорошо написать ни слова “Бѣгъ”, ни слова “живѣтъ”, ни слова “зѣло” и т. д. Если кириллическая азбука, а точнее знаки в, ж, з, ц, ч, ш, ѣ, ъ, ь, ю, ѧ, Ѧ произошли историческим (эволюционным) путем от греческого письма с добавлением некоторых самаритянских (древнееврейских) знаков, как думают Миллер и Георгиев, то и прежде Кирилла и Мефодия славяне могли бы написать широтѣ, црѣкы, чѣстїе, ѡзыкъ и юность, а Черноризец Храбр не задавал бы эллинофильских “триязычных” риторических вопросов, как могут эти слова быть написаны хорошо по-гречески (т. е. греческими буквами). Из 14 главы ЖК видно, что во время императора Михаила II (820–829) и императора Феофила (829–842) в Византии делались попытки создать славянскую азбуку на основе греческого письма, но они были безуспешны. Император Михаил III обращался к Константину Философу со словами “дед мой и отец мой и иные мнози искаша того (т. е. славянской азбуки, славянского письма), (но) не суть обрели и как аз могу то обрести”. Ни одна из букв, о которых Миллер и Георгиев утверждают, что они существовали как славянские письмена до эпохи Кирилла и Мефодия, не открыты в памятниках старше конца IX или начале X в. Если негреческие кириллические знаки были в употреблении у болгарских славян до последней четверти IX в., то часть из них, например, буквы с шипящими согласными, были бы наверняка используемы и в праболгар-

ских надписях и выражениях (оборотах речи) тюркского языка, написанных греческими буквами. Сходство между древнеболгарскими кириллическими эпиграфическими памятниками и праболгарскими надписями первой половины IX в. в некотором отношении столь значительно, что это основательно свидетельствует о непрерывности эпиграфической традиции у болгар с эпохи хана Омуртага (814–831) и хана Маламира (831–836) до греческих, а следовательно и до славянских кириллических надписей эпохи христианизации князя Бориса I и царя Симеона (893–927). Но нигде в докириллических болгарских эпиграфических памятниках нет никаких следов (намеренного) негреческого кириллического знака. Широкое употребление греческого эпиграфического письма в дохристианском болгарском государстве было важной культурно-исторической предпосылкой поздней рецепции и распространения кириллической азбуки (2/4 буквы которой были греческими), как эпиграфического, канцелярского и литургического письма в древнеболгарских столичных городах Плиске и Преславе. Дополнительные же 12 кириллических знаков тоже возникли не спонтанно (эволюционно или исторически), но вследствие употребления греческого письма для государственных и духовных нужд праболгаров и болгарских славян»*.

Д. На исходе XX в. ученый из Литвы А. М. Кузнецов предложил пересмотреть вопрос об оригинальности глаголицы и вернуться к ее греческой основе. Он считал, что глаголица творилась св. Константином по образу и подобию существующих греческого и латинского алфавитов и

(*) Там же. См. также: *Нанков С.*, прот. Превод на църковно-богослужебните книги в България // ГДА. Т. XV(XLI) (1965–1966). София, 1966. С. 43.

их основы, еврейского (финикийского). «Солунские братья распространяли славянскую письменность среди тех славян, которые уже знали и использовали или греческий, или латинский алфавит. Обучение новому алфавиту не могло не строиться на принципе сопоставления с уже известным в данной среде алфавитом»*. Приводя достаточно веские аргументы и практически подкрепляя их примерами, А. М. Кузнецов в заключении своего исследования снова возвращается к выдвинутому им мнению и настаивает на том, что в глаголице, как в узле, были соединены качества семитского, греческого и латинского языков, а ее символом или идеей стала «мысль о единстве христианского мира»**.

Политическая конъюнктура подтолкнула Болгарию к славянизации греческого алфавита. Смертью св. Мефодия в Моравии (средневековом центре славянского просвещения) прерывается уникальный эксперимент — создание в недрах славянства национальной письменной культуры, глаголического ареала, собственной славянской письменности. Изгнанием из Моравии учеников свв. Кирилла и Мефодия завершается эпоха глаголической письменности и начинается процесс создания второй славянской азбуки — кириллического алфавита и замена им хитроумной азбуки свв. братьев-солунцев***. Процесс этот, в принципе, продемонстрировал упадок и снижение уровня, достигнутого святыми посланцами Византии. В исторических источниках, конечно, такой характеристики эпохи болгарского просвещения мы не

(*) *Кузнецов А. М.* Глаголица: между греческим и латинским // ВЯ. 2000. № 1. С. 113.

(**) Там же. С. 119–120.

(***) *Иванова Т. А.* Вопросы возникновения славянской письменности в трудах советских и болгарских ученых за последнее десятилетие (1950–1960) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. XVII (1963). Вып. 2 (март-апрель). С. 134.

найдем, но ученая элита XX в. на это сразу обратила внимание*. Источники лишь только констатируют факт какого-то «прѣложеніа кѣнигъ» (см. «Повесть временных лет» и «Хронику патриарха Никифора I» (*Χρονογραφία σύντομος*), а также «Лѣтописъць въ скѣрѣ» (славянскую переработку «Хроники»)**). Г. А. Ильинский предположил, что это «прѣложеніе» как раз и есть то известие об официальной замене глаголической азбуки кириллической, которую узаконил всенародный собор 893 г., собранный для национализации (славянизации) молодой болгарской церкви***. Г. А. Ильинский обращает внимание на тот факт, что староболг. слово кѣнигы кроме βιβλοι, libri означает и γράμματα, litterae, а прѣложеніе употреблено в значении «замена», «смена», а не «перевод». По мнению этого ученого, новый болгарский князь Симеон стремился ввести простое и удобное унциальное письмо, понимаемое всеми людьми его государства, которые знали и читали до этого по-гречески. Князь Симеон поручил составление нового письма ученику свв. солунских братьев — Науму Охридскому, но он не согласился отступать от Кирилло-мефодиевского дела (их традиции). Тогда новую славянскую азбуку, по поручению молодого князя, разработал Константин Преславский, создавший ее на основе византийского унциального шрифта и глаголицы****. По мнению авторитетных ученых,

(*) Туницкий Н. Л. Св. Климент, епископ словенский. Его жизнь и просветительная деятельность. Сергиев Посад, 1913. С. 259.

(**) Добрев Ив. Указ. соч. С. 314.

(***) Ильинский Г. Где, когда, кем и с какой целью глаголица была заменена «кириллицей»? // BSl. III (1931). С. 87–88.

(****) Ильинский Г. Указ. соч. С. 87. По мнению Ильинского, «впоследствии смешение пресвитера Константина с Кириллом Философом послужило причиной перенесения первоначального названия глаголицы «кириллица»» (там же. С. 88). С этой гипотезой согласна и Т. А. Иванова (см.: Старославянский язык. М., 1997. С. 30–31).

эта гипотеза находится в соответствии с ходом культурно-исторических событий второй половины IX в. и не входит в грубое противоречие со сведениями о начале славянской письменности и с палеографическими данными*. Есть, правда, группа ученых, которые считают, что под «предложением книг» нужно понимать замену греческих богослужебных книг славянскими. При рассмотрении гипотезы Г. А. Ильинского следует, однако, иметь в виду то обстоятельство, что в Азбучной молитве Константина Преславского акростих находится в зависимости от ряда букв глаголической азбуки. «Азбучная молитва была написана в 893 году, до того, как Наум Охридский отбыл в западнотолгарские земли, — одновременно с составлением Учителного Евангелия Константином Преславским, в историческом послесловии которого (Историкии) есть замечание — точная датировка — седьмой год царствования Льва VI Философа (886—912), 12 индикта (1 сентября 893 — 31 августа 894). В древнейшем уцелевшем списке — Син. 262 (XII в.), который хранится в Государственном историческом музее города Москвы, Азбучная молитва находится перед текстом Учителного Евангелия и предшествует портрету болгарского князя Бориса I, который после детронизации князя Владимира в судьбоносные для болгарского народа 893—894 годы отдал престол младшему своему сыну Симеону. Следовательно, во время этих бурных событий официальное письмо в болгарском государстве все еще было глаголическим**». Об этом есть и этнографические свидетельства из Преслава, которые бесспорно доказывают факт употребления глаголицы в Болгарии эпохи Первого болгарского царства (681—1018) и в течение ее византийской оккупации (1018—1186). Эти несколько глаголических букв являются вообще самыми древними из до сих пор открытых.

(*) *Добрев Ив.* Указ. соч. С. 315.

(**) Там же. С. 315.

Они имеют старинную форму, аналогичную глаголическим знакам из Ассеманиева Евангелия, Зографского Евангелия, Клодева сборника (буквы имеют круглое начертание с некоторым легким угловатым оттенком*).

Подводя итог очерка о двух славянских алфавитах, можно сказать, что на данный момент точка зрения, в свое время высказанная И. Добровским, является несостоятельной. Хотя ее и поддержали многие известные слависты XIX и XX вв., такие, как И. И. Срезневский, О. М. Бодянский, В. Ф. Миллер, А. И. Соболевский, Ф. Ф. Фортунатов, Е. Ф. Карский, В. А. Истрин и проч., считавшие создателем кириллицы (или даже двух алфавитов) св. Константина-Кирилла, но как исторических фактов, так и результатов филологических исследований для этого или совсем нет, или не вполне хватает**. А потому необходимо пока признать первенство глаголической азбуки, которая, с одной стороны, показывает зависимость ее создателя от греческого «графического мышления», а с другой стороны, в высшей степени отражает его явный славянский «фонологический менталитет»***. Исторически же, в любом случае, именно глаголические тексты оказываются максимально приближенными к первоначальному славянскому переводу текстов Св. Писания****.

В таком случае, в заключении, можно сказать следующее. Древнеславянские алфавиты были созданы в сфере византийской культуры, а одна из этих азбук, очевидно, в самой Византии. Поэтому, с одной стороны, эти алфавиты стоят на одном

(*) *Mijatev Kr.* Этнографические материалы из Преслава // BSl. III (1931). С. 385.

(**) *Илчев П.* Азбуки. С. 48.

(***) Там же. С. 39, 47.

(****) *Камчатнов А. М.* История и герменевтика Славянской Библии. М., 1998. С. 62.

уровне с семитскими алфавитами, греческой и латинской письменностью. А с другой — превосходят те примитивнейшие типы графики (рисунки, идеограммы), которыми, очевидно, до свв. Кирилла и Мефодия пользовались славяне. Древнеславянские алфавиты, несомненно, связаны с греческой графической традицией, что отразилось как в подражании некоторым греческим буквенным знакам, так и в способе написания (горизонтальное направление буквенного ряда слева направо) и в различных видах сокращений, а кириллица сама по себе говорит о буквальной зависимости своего внешнего вида (большей части) ее знаков от греческого алфавита*. Далее, по причинам, которые, скорее всего, имеют политический (или культурный) характер, глаголица постепенно начала вытесняться кириллицей (этот процесс в Болгарии длился с начала X по XII вв.**). Однако глаголическая письменность смогла выжить в неблагоприятных исторических условиях и долгое время (в эпоху позднего Средневековья) использовалась в югославянских и русских землях как тайнопись. В северо-западных областях Балканского полуострова (в Далмации, Истрии) глаголица имела особенно долгую жизнь и кое-где в этом регионе употреблялась даже до XX века. По виду она отличается от так называемой «болгарской глаголицы» и называется «угловатой» или хорватской***.

Кириллица и глаголица продолжили византийскую традицию создания миссионерских алфавитов, вполне доказав свое

(*) *Илчев П.* Азбуки. С. 39.

(**) *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967. С. 13; *Мошин В. А.* Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. I. М., 1973. С. 44.

(***) *Мошин В. А.* Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей. С. 44.

право на существование. При этом практическое значение один из них — глаголический — сохранял вплоть до XIX в.

Отрадным моментом в современной истории двух древних славянских графических систем является незатухающий интерес к ним как со стороны Церкви (наряду с церковнославянским языком, кириллица до сего дня остается неотъемлимой частью православного богослужения), так и со стороны ученого мира, сделавшего много для восстановления истинной картины причин и обстоятельств их возникновения.